

2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. М. : Гнозис, 2008.

3. Подзолкова Н.В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Перемена, 2005.

4. Bulitta E., Bulitta H. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1983.

5. Duden. Sinn- und Sachverwandte Wörter und Wendungen. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1972.

6. Görner H., Kempcke G. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1985.

7. Hermann Hesse. URL : <http://www.hesse.ru>.

8. Würzburg W.A. Lexikon der Psychologie. Bd I. Bern: Verlag Herder Freiburg, 1987.

Emotional concept “loneliness” in the axiological dimension

There is discussed the issue of value and perceptive and figurative characteristics of the emotional concept “loneliness” in the language world picture. There is revealed the axiological status of the given concept in the collective and individual world pictures.

Key words: *world picture, axiological world picture, concept, value, image, symbol, archetype, metaphor.*

В.М. САВИЦКИЙ
(Самара)

ПРОСТРАНСТВО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИНГВИСТИКИ

Рассматривается терминосистема, десигнирующая поле пространственных понятий в лингвистике; показано, что языковые средства их десигнации не носят метафорический характер; описаны роль пространственных понятий в моделировании лингвистических объектов, способы их корректного применения в лингвистике.

Ключевые слова: *пространство, измерение, полиметрический, метафора, моделирование.*

С. Лем проникательно заметил: «Даже устремляясь к абстракции, люди <...> не способны примириться с утратой наглядности, и

изложение, лишённое подпорок чувственности <...> оставляет чувство неудовлетворённости; занимаясь даже крайне отвлечёнными построениями, [люди] ищут опору в чём-то вещественном» [2, с. 118]. Сенсорные представления дают учёным возможность моделировать строение чувственно не наблюдаемых объектов в виде разного рода визуальных схем и вербально выраженных наглядных аналогий, а также во внутренней форме тех терминов, которые носят образный характер. Так, в рамках одной из метафор теории психоанализа личность уподобляется закрытому бутерброду, нижний пласт которого составляет область бессознательного (*id*), верхний – область культурных предписаний и запретов (*super-ego*), а промежуточный – Я (*ego*) субъекта, подверженное давлению сверху и снизу. Подчеркнем, что это модель не мозга (материального объекта), а психики – идеального объекта, не обладающего пространственно-физическими параметрами. Фрейдовская топическая модель – это пространство психическое, а не физическое. Со временем такие аналогии настолько глубоко укореняются в научном мышлении, что их метафоричность перестаёт ощущаться, а их чувственный компонент ослабевает; это позволяет мышлению вырваться за рамки созданной схемы и вырабатывать новые модели рассматриваемого объекта.

Сенсорные представления, которыми оперирует научное мышление, делятся на группы; одна из них – группа пространственных представлений. Категория «пространство» – важный конструктивный элемент понятийно-терминологического аппарата целого ряда научных дисциплин, в том числе лингвистики. На нынешнем этапе ее развития трудно представить себе сколько-нибудь обширный научный труд, в котором не использовались бы те или иные термины с «пространственной» внутренней формой. Помимо термина *пространство*, в языкознании применяются понятийно связанные с ним термины и терминоподобные наименования: *расстояние (дистанция), уровень (ярус), ряд, сфера, поле, область, участок, зона, окрестность, центр / периферия (поля), смежность / близость / удаленность (каких-либо единиц в поле), шкала, вектор, континуум, дискретность (пространства), глубинная / поверхностная / подповерхностная (структура), протяженность, граница, измерение / мерность (пространства), координаты / вехи (пространства) и др. (ср. англ. *space*,*

field, distance, level, sphere, vector, scale, dimension, continuum, co-ordinates etc). В лингвистических трудах пространственные представления о строении языка выражаются не только вербально, но и графически: в виде диаграмм, кривых в декартовых координатах, графов, имеющих форму разнообразных геометрических фигур (треугольника, куба, тора и др.), а также схем типа «дерево» и т.п. [6]. Они насквозь пронизывают лингвистическую теорию и служат реляционным каркасом исследовательского мышления, теми «рельсами», по которым оно движется. «Пространственные отношения становятся как бы всеобщим языком» [4], т.е. универсальным кодом, лежащим в основе моделирования действительности, в том числе действительности языка.

Применение перечисленных категорий по отношению к нефизическим объектам называют пространственной метафорой (например, *семантическое пространство*, метафорическим прототипом которого выступает пространство физическое). Но мы полагаем, что такие термины являются метафорическими лишь по происхождению, а в синхронии термин *пространство* имеет не метафорическое, а расширенное значение. Приведем пример. Английское существительное *wave* (волна) первоначально обозначало колебание только в одной поверхности; сема 'водяная' была категориальным его признаком, поэтому не было необходимости специально оговаривать, что имеется в виду именно в о д я н а я волна. Словосочетание *water wave* (водяная волна) первоначально характеризовалось семантической избыточностью; для выражения данного понятия было достаточно существительного *wave* (волна). Позднее, когда были открыты воздушные, эфирные, электромагнитные, гравитационные и другие колебания, они получили наименования *air waves* (воздушные волны), *ether waves* (эфирные волны), *electromagnetic waves* (электромагнитные волны), *gravitation waves* (гравитационные волны) и т.д. В результате возникло гипер-гипонимическое отношение:

wave
water wave air wave ether wave electromagnetic wave gravitation wave

Словосочетание *water wave* перестало быть семантически избыточным; ныне оно десигнирует понятие, которое ранее означивалось отдельным словом *wave*. В нем появилась коммуникативная потребность; оно оказалось в одном ряду с другими гипонимами слова *wave* (волна), которое, в свою очередь, стало в рам-

ках науки обобщающим термином со значением «колебание». Сема 'водяная' в составе его значения из категориальной (интенциональной) превратилась в субкатегориальную (импликациональную). Иными словами, у существительного *wave* возникло производное значение, по своему объему р а с ш и р е н н о е по сравнению с исходным. Это видно по данным словарей: *wave* (n) – 1) *ridge of water between two depressions* («водяной [категориальная сема] вал между двумя углублениями»); 2) *disturbance of the particles of the medium, e.g. water, air, ether, ... heat, light, electricity, etc.* *wave* («возмущение частиц "физической" среды, например, *водяная* [субкатегориальная сема], воздушная, эфирная, ... тепловая, световая, электрическая и т.д. волна») [5]. Иное дело – сочетание *wave of anger* (волна гнева), которое не может быть включено в этот гипонимический ряд в силу онтологической разнородности такого психического явления, как гнев, и таких физических объектов, как вода, воздух, свет и т.д. *Wave of anger* – метафора; сема 'водяная' в ней не перешла в разряд субкатегориальных, а легла в образную основу нового значения, способствуя возникновению «сюрреалистического» зрительного представления «водяная волна ≡ приступ гнева». Перед нами не расширение значения, а подлинный метафорический перенос, который «сталкивает несоединимые порядки, утверждая тождество нетождественного» [3, с. 164]. Это иной тип транспозиции смысла, отраженный в пункте 3 словарной статьи: «временный подъем какого-л. чувства» [5].

Возвращаясь к терминам с «пространственной» семантикой, отметим, что, как и в примере со словом *wave*, их значения метафорические лишь по происхождению, а в синхронии они являются расширенными:

пространство
физическое ментальное социальное культурное лингвистическое.

Дифференциальная сема 'физическое' в этом ряду не имеет приоритета перед другими семами. Она рядоположена им и на нашей схеме могла бы занимать не первое, а любое другое место в ряду дифференциальных сем. Иными словами, в научной терминологии пространство не является в п е р в у ю о ч е р е д ь и п р е и м у щ е с т в е н н о физическим. Так, математическое пространство – это модель не только физического, но и любого другого пространства.

Что же такое пространство как методологическая категория? Русское существительное

пространство производно от прилагательно-го *пространный*, что значит «протяженный». Пространство в широком смысле – это протяженность, т.е. последовательность неких единиц, измеримых количественно. Если протяженность понимать не только физически – как длину, ширину и высоту изучаемого объекта, – но широко, как всякое его градуальное свойство, то в этом качестве может выступать любой параметр объекта. В этих терминах разные параметры объекта предстают как разные измерения пространства (англ. *dimension* < лат. *di(s)*- «из-» + *mensus* «мера»). Различают одно-, дву-, трех- ..., *n*-мерные пространства, т.е. характеризующиеся энным числом измерений. Каждое измерение можно представить как шкалу с делениями (мерными величинами). Таким образом, в широком смысле пространство – это моно- или полиметрическая система, т.е. совокупность взаимосвязанных измерений, образующая единое целое. На практике монометрическую (одномерную) систему (одну шкалу) обычно не называют пространством, так что *de facto* пространство – это, как правило, перекрестье двух и более шкал, характеризующих сущностные, количественно изменяемые и измеримые свойства (параметры) того или иного объекта. Например, в метеорологии параметры климата – это годовые диапазоны температур воздуха, влажности воздуха, атмосферного давления, скоростей и направлений ветра, интенсивности солнечного излучения. Таким образом, климат той или иной местности можно представить как секстаметрическое (шестимерное) метеорологическое пространство, а погоду на определенный день – как синхронный плоскостной срез такого пространства, совокупность конкретных значений климатических параметров (параметрическое состояние системы).

Возвращаясь к языкознанию, отметим, что применение пространственных категорий в его рамках является эффективным способом моделирования самых разнообразных лингвистических объектов. Например, традиционная система языковых уровней представляет собой двумерную (плоскостную) топическую модель строения языка, в которой единицы каждого уровня располагаются в ряд по горизонтали, а сами уровни – друг над другом по вертикали. Это неполная модель. Как справедливо отметил А.В. Кунин, синтаксис в нее не входит, т.к. он по своему наполнению не однороден с фонемным, морфемным, морфологическим (словоформным) и лексическим уровнями: они содержат единицы, а синтаксис –

модели [1]. Он принадлежит третьему измерению лингвистического пространства, содержащему также словообразовательные, фонотактические, семантико-комбинаторные и др. модели. Они образуют собственную иерархию в своем измерении. Просодические средства языка образуют его четвертое измерение и т.д. Дальнейшим шагом в разработке модели языковых уровней должна стать схема, в рамках которой языковая система предстанет не как «вертикальная плоскость», а как *n*-мерное языковое пространство.

Что касается поля в лингвистике, его в общем случае можно определить как участок языкового пространства, который содержит упорядоченную совокупность языковых единиц, объединенных теми или иными формальными и / или содержательными парадигматическими отношениями. Любую языковую парадигму можно представить как поле, в котором расстояния между членами определяются степенью сходства / различия между ними по тому или иному параметру / комплексу параметров. Так, в консонантном поле английского языка расстояние между фонемами [d] и [t] минимально, т.к. они различаются лишь по одной паре дифференциальных признаков (звонкость / глухость), а расстояние между фонемами [d] и [h] гораздо больше (они различаются по нескольким парам дифференциальных признаков). Аналогичным образом в английском семантическом поле “Musical Instruments” значения “violin (скрипка)” и “cello (виолончель)” находятся ближе друг к другу (т.е. различаются меньшим числом дифференциальных сем), чем значения “violin” и “trombone”.

«Пространственная» репрезентация языковых подсистем и микросистем позволяет на практике реализовать важнейшие достоинства метода моделирования – компактность и наглядность отображения объекта. В сущности, любая полиметрическая система в языке представима как пространство (или его участок – поле). Так, одно из пространств образуется пересечением шкал «парадигматика – синтагматика»; другое – пересечением шкал «синхрония – диахрония»; третье – пересечением шкал «план содержания – план выражения» и т.д. С этой точки зрения язык предстает не как одно, а как множество «вставленных» друг в друга пространств. Это легче понять, если принять во внимание, что «пространство» – это не собственно онтологическая, но и инструментальная категория, операциональная мо-

дель, находящаяся в весьма опосредованной связи с реальностью языка. Исследователь постулирует различные языковые пространства, исходя не только из объективного строения языка, но и из тех конкретных задач, которые он перед собой ставит. Характер, границы и число лингвистических пространств определяются не только онтологическим, но и – в определенной мере – прагматическим фактором. Описывая факты языка, исследователи не выявляют (как объективную данность), а постулируют (как операциональный объект, т.е. модель) очередное пространство. Это не непосредственно сам изучаемый объект, а, так сказать, его «препарат», созданный для удобства изучения объекта.

Такова в общих чертах, специфика применения пространственных категорий в науке вообще и в языкознании в частности. Изложенное в нашей статье толкование этой специфики призвано способствовать повышению методологической корректности использования пространственных категорий и устранению многих связанных с ними полемических недоразумений.

Литература

1. Кунин А.В. Английская фразеология. М. : Высш. шк., 1970.
2. Лем С. Голем XIV // Мнимая величина. М. : АСТ, 2004. С. 109 – 286.
3. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М. : Сов. писатель, 1978.
4. Шалютин С.М. Искусственный интеллект. М. : Мысль, 1985.
5. Concise Oxford Dict-ry of Current English. Clarendon Press, 1969.
6. Stewart A.H. Graphic Representation of Models in Linguistic Theory. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1976.

Space as a methodological category of linguistics

There is described the system of linguistic terms designating spatial concepts, proved that the language means of their designation are not metaphorical, described the role of spatial concepts in modelling linguistic objects, discussed the ways of their correct usage in linguistics.

Key words: *space, dimension, polymeric, metaphor, modelling.*

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

ДИСКУРСИВНАЯ ТАКТИКА ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ: ПРЯМЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ В НАЛИЧНОЙ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ

Описаны психический эпицентр, мотив, цель, стратегии и тактики vindиктивного дискурса, освещена тактика злопожелания как структурная составляющая названного вида заковой деятельности. Анализируются прямые формы объективации данной тактики в наличной конфликтной ситуации общения.

Ключевые слова: *концепт «месть», vindиктивный дискурс, стратегия проклятия, тактика злопожелания, прямые формы объективации.*

Эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном обыденном сознании ключевым словом *месть*, находит выражение не только в предметно-практической, но и в появившийся на ее основе знаковой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как vindиктивный дискурс (далее – ВД) [9, с. 7 – 8].

Глубинным психологическим мотивом данного вида знаковой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного) пространства. Реализуется данная целевая установка в стратегиях устрашения и проклятия и соответствующих им тактиках угрозы, а также изгнания, поругания и злопожелания. Поскольку целевая установка ВД сводится к установлению вышеназванной границы, а последняя в конечном счете определяется волей осуществляющего знаковую деятельность субъекта, то тактику злопожелания (как, впрочем, и другие структурные составляющие изучаемого вида знаковой деятельности – тактики угрозы, изгнания и поругания) можно рассматривать как вспомогательный способ (или прием), который используется этим субъектом для утверждения своей воли.